

СЕМИДЕСЯТЫЕ

*Казался безразмерным век.
Всё так свежо и так напрасно.
И ты идёшь, как первый снег,
недолговечный и прекрасный.*

*Идёшь — походочка «успех»,
клешами листья заметая.
Улыбочка, что не для всех, —
ну, специальная такая.*

*Полпачки мятых сигарет
и два мешка радиохлама.
— Рванули в загс?
— Да там обег!
— Скорей, пока не видит мама.*

*Так пол-Земли укроет темнота,
и города, как брошки, заискрят,
потом погаснут. Темнота — вода.
Бесшумно заполняет всё подряд,
неся глубинно оторопь и сны,
темнея половинкою Луны.*

*И кто-то там расплачется во сне
и, с удивленьем мокрую подушку
под мокрую щекою обнаружив,
не догадается, что плакал —
обо мне.*

Троллейбус этот
мне давно знаком,
он с прошлого столетья не менялся.
Прости, грузище,
я иду пешком.
Спокойно обгоняй и не стесняйся.
Меня ни разу ты не подводил —
какой бы мрак, цейтнот и хлябь какая, —
а подвозил.
Ты просто подходил,
пыхтя и чем ещё помочь — не зная.
Пограгивал и мялся на ходу,
покачивал сочувственно рогами.
Однажды увидал, что я иду,
и встал как вкопанный,
водителя пугая.
Когда из-под колёс хлестнёт поток,
меня прикрыв,
ты подставляешь бок.
Махну тебе приветственно рукой
для настроения,
а пуще для порядка.
А имя тебе —
Семьдесят Второй.
Суммируем: заветная девятка.
Мы не скрываем наших отношений,
и всё же никому не расскажу,
что, вопреки всем правилам движенья,
я много лет
с троллейбусом гружу.

Быть откровенной, искренней — боюсь.
Ну что же ты? Разубеждай, не мешкай.
Скажи мне, что прекрасен наш союз,
скажи без раздраженья, без усмешки.
Скажи, что кисло без меня вино

и горек хлеб. И воздух не прозрачен.
И даже если всё не так, иначе, —
наври с три короба.
Мне, в общем, всё равно.
Скажи, что без меня течёт вода
не с неба в травы —
просто в лужи с крыши.
Скажи негромко. Молча.
Я услышу!
И больше не забуду никогда.

★★★

Эта девочка в окне...
Эта музыка во мне.
Этот сумрачный и странный
шорох листьев по стене,
там, где веточки плюща,
путаясь и трепеща,
тёмной зеленью спадают
наподобие плаща.

Чем окно озарено?
Кто подскажет, где оно?
Из каких воспоминаний
мною оно извлечено?
Чей же профиль там, в окне?
И зачем всё это мне,
если даже я не верю,
что всё было не во сне?

...Чёткий звук моих шагов,
где-то — цоканье подков,
влажный отблеск на булыжник
пал на миг из облаков.
Узкой улочки зигзаг...
Перестань, нельзя же так!

Что за чёрт со мной играет,
что за подкидной дурак?

*...Тишь и темень впереди,
только музыка в груди.
Ни о чём не беспокойся,
а иди, иди, иди...*

ТЕАТР

*Мама любила ходить в театр.
К театру готовилась всерьёз:
спала на железных бигудях,
начёсывала, заливала лаком
и оберегала свою голову,
вытаскивала из шкафа нарядное платье,
костюм и белую рубашку для папы,
картонную от прачечного крахмала.
Пахло горячим утюгом.
Весь день мама суежилась,
натыкалась на меня и углы стола,
часто выскакивала за дверь
и кричала соседям
то сердито, то весело:
ей некогда,
она сегодня идёт
в театр!
В холод она совала в сумку туфли,
завёрнутые в газету:
не топтать же по театру в сапогах!
Родители долго торопили друг друга
и едва успевали на электричку.*

*Тихо, пусто становилось в доме.
Так тихо, что давило уши.
Привычные геговы часы,
чей ход весь день неразличим,
органно переходили в другой регистр,
оглушали тиканьем со стены,
и от их боя срывалось сердце.
Я забиралась с ногами
на деревянное гегово кресло*

и натягивала юбочонку
на острые коленки,
замирая и замерзая от мысли,
что кто-то ухватит меня за щиколотки,
едва я ступлю на пол.
Я вжималась в кресло
и каждые полчаса
роняла сердце
под хриловатое, тяжкое «бо-ом».
А в промежутках слушала,
как поскрипывает да постанывает
старый дом,
как вздыхают за стеной деревья
и шелестят поезда
мимо нашей станции...
Вот стукнула дверь.
Напряжённо жду,
не идёт ли кто.
Нет, это ветер.
А ведь за дверью — черно.
Я накрепко зажмуриваюсь, чтобы не думать:
что же там,
в темноте?
И острее слышу,
как оживают вещи,
как дышит и что-то шепчет ночь,
всё тесней прижимаясь к окнам.

И когда я увидела на сцене «Синюю птицу»,
изумления не было.
Только понимание.
И узнавание.